

ИСТОРИК СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ НА «ФРОНТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ»¹

Орлов Игорь Борисович

Национальный исследовательский университет –

Высшая школа экономики

докт. ист. наук, проф., проф. кафедры политического поведения

тел.: 8(499)175-11-29

E-mail: iborlov@mail.ru

Орлов І. Б. Історик сталінської епохи на «фронті історичної науки»

У статті піднімається актуальна й сьогодні проблема професіоналізму та етики історика в умовах авторитарного режиму, крайнім («тоталітарним») варіантом якого став період сталінізму. Епоха становлення культу особи та масових репресій не могла не позначитися на становищі історичної науки і стан професійної спільноти істориків. Кінець 1920-тих – 1930-ті роки демонструють зіткнення інтересів різних груп істориків, що ініціювалося та заохочувалося владою. Результатом перманентних погромних кампаній і чисток, до яких залучалися представники різних наукових шкіл і політичних угруповань, стала втрата історичним цехом своєї наукової самостійності та традицій високої професійної етики.

Ключові слова: «стара школа», науковість, марксистська історіографія, ідеологія, репресії

Орлов И. Б. Историк сталинской эпохи на «фронте исторической науки»

В статье поднимается актуальная и сегодня проблема профессионализма и этики историка в условиях авторитарного режима, крайним («тоталитарным») вариантом которого стал период сталинизма. Эпоха становления культа личности и массовых репрессий не могла не отразиться на положении исторической науки и состоянии профессионального сообщества историков. Конец 1920-х – 1930-е годы демонстрируют столкновение интересов различных групп историков, инициируемое и поощряемое властью. Результатом перманентных погромных кампаний и чисток, в которые вовлекались представители разных научных школ и политических группировок, стала утрата историческим цехом своей научной самостоятельности и традиций высокой профессиональной этики.

Ключевые слова: «старая школа», научность, марксистская историография, идеология, репрессии

Orlov I. The historian of the Stalin era to the "front of historical science"

The article raises an important and today the problem of professionalism and ethics of the historian in the conditions of the authoritarian regime, the extreme («totalitarian») option which was the period of stalinism. Epoch of formation of the personality cult and mass repressions could not but affect the situation of the historical science and the state of the professional community of historians. The end of the 1920-ies - 1930-ies demonstrate a clash of interests of various groups of historians, initiated and encouraged by the authorities. The price of permanent pogrom campaigns and purges, in which involved representatives of different scientific schools

¹ *Опубликовано: Орлов И.Б. Историк сталинской эпохи на «фронте исторической науки» // Харьковський історіографічний збірник. Вип. 11. Х.: ХНУ імені Каразіна, 2012. С. 117-130.*

and political groups, was the loss of the historical Department of their scientific independence, and the highest professional ethics, and the disappearance of the concept of «school of history».
Key words: the «old school», scientific, marxist historiography, ideology, repression

«Итак, я - историк. И, следовательно, нахожусь сегодня не в самом комфортном положении. Ибо в наши дни любят историю и не жалуют историков» (В.Б. Кобрин)

Профессионалом быть трудно во все времена. Это требует не только усилий мысли, но и затрат душевных сил. Но особенно трудно быть профессионалом в эпоху тиранов, когда высшим критерием профессионализма становится способность «понять, принять и воплотить в жизнь» (И. В. Сталин) исходящие сверху директивы. Загнанные в прокрустово ложе политической конъюнктуры и идеологической догматики, ученые (особенно гуманитарии), вынуждены делать непростой выбор между «работой в стол» и приспособлением к «генеральной линии». Конечно, остается еще возможность твердого отстаивания своей позиции («все-таки она вертится»), но на это способны единицы. Далекое не каждому дано и умение излагать свои идеи «эзоповым языком», на расшифровке которого при диктаторских режимах тоже можно сделать карьеру. И, наконец, можно проявить «рептильную гибкость» в отношении критериев профессионализма.

Этика ученого, несомненно, зависит от исторической эпохи (к примеру, был период, когда нравственным считалось все, что способствовало революционному преобразованию мира) и властного режима, задающего принципы этичности и критерии профессионализма. Безусловно, следует упомянуть и правила самого научного сообщества. Все эти факторы находятся в неразрывном единстве, можно сказать, что этика придает профессионализму общественное звучание.

Не секрет, что советская историография представляла собой «тщательно отутюженную множеством редакторов и бдящих инстанций коллективную, выверенную и взвешенную мысль цеха о себе самом» [7]. При этом ее развитие отражало формирование канона, в котором «профессиональные постулаты и принципы были прочно сплавлены с набором руководящих и

при этом весьма переменчивых идеологических догм» [7]. Правящая компартия не только формировала организационные структуры исторической науки и определяла ее кадровый состав, но и, самое главное, оценивала содержание исследовательских программ. В научную жизнь прочно вошла практика издания тезисов Агитпропа ЦК ВКП (б), в которых содержались обязательные для научной общественности оценки узловых исторических событий и процессов. Сюда же можно добавить «программные» выступления того или иного партийного лидера.

Эпоха раннего сталинизма стала временем, когда этика и профессионализм историка определялись, в первую очередь, задачами классовой борьбы, как внутри страны, так и за ее пределами. Соответственно, концепция борьбы классов, как движущей силы истории, проецировалась на интерпретацию российского исторического процесса. Книга М. Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», одобренная в свое время В. И. Лениным, до середины 1930-х гг. оставалась главным официальным пособием по российской истории.

Но в сталинском «политическом театре» разыгрывались разные сценарии формирования исторической памяти, подчас демонстрируя резкие (даже на 180 градусов) повороты властной политики в отношении исторической науки и ее отдельных представителей.

Сценарий первый: классовый подход против научности

*«В нашей науке специалисту - немарксисту грош цена»
(М. Н. Покровский)*

Именно «профессор с пикой» (по определению А. А. Чернобаева) возглавил «крестовый поход» против остатков дореволюционной исторической школы. Лозунгом этого «похода» могут служить слова самого Покровского, что «другой исторической науки, как науки вне марксизма, не существует» [15, с. 330]. Коммунистическому режиму требовались историки, для которых «политическая целесообразность» была критерием более

значимым, нежели «историческая правда». Это вело к формированию определенного типа историка («бойца партии»), воспринимавшего партийное руководство как нечто естественное.

У истоков этой традиции стоял Покровский, немало сделавший для того, чтобы из исторической науки и из страны были удалены все те, для которых интересы науки оказывались ценнее очередных партийных установок. Еще в 1927 г. он написал не подлежавшую тогда оглашению записку, обосновывавшую необходимость реорганизовать систему руководства Академии наук, лишив ее автономии. Руководитель советской исторической науки рассматривал идеологию как «кривое зеркало», в котором отражаются классовые интересы историков, а историю - как «политику, опрокинутую в прошлое» [16, с. 5-6]. «Школа Покровского»,² имевшая скорее общественно-политическое, нежели научное содержание, обладала характерными для советской исторической науки чертами: претензией на обладание истиной, идейной монополией и линейным пониманием общественного прогресса. Именно Покровский – в большей степени популяризатор и интерпретатор, нежели исследователь, оказался в нужное время в нужном месте – официальным лидером советской исторической науки [12].

Формирование режима «культ личности» требовало от историков почти религиозного догматизма («верую, ибо нелепо»), а ощущение «вражеского окружения» - стойкости в отстаивании «идеологической чистоты» исторических построений. Но слуга идеологии неизбежно перестает быть ученым, а объектом его нападок становятся историки, «не дозревшие» для понимания «марксистских истин» и обслуживавшие до революции «практические потребности буржуазии» [18, с. 216]. Одним из методов

² Понятие «школа Покровского» впервые и сразу в негативном ключе появилось в постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) 26 января 1936 г. «Об учебниках по истории», где осуждались ошибочные исторические взгляды, свойственные «так называемой исторической школе Покровского» [19]. Это, конечно, была не научная дефиниция, а броский ярлык, удобный для очередной политической кампании [см., например, 8]. В более широком смысле слова под «школой Покровского» после Сталина подразумевали большую группу историков-марксистов, занимавших в середине 1930-х гг. руководящее положение в советской исторической науке.

дискредитации историков «старой школы» становится навешивание ярлыков на наиболее ярких ее представителей.³ Из ощущения собственной исторической правоты выростала уверенность «красных профессоров» в необходимости применения к историкам - немарксистам методов, «более сильных, чем разъяснение и убеждение» [4, с. 21]. За словом, последовало и дело. Марксизм в историческую среду стали внедрять принудительно, в том числе с помощью ОГПУ.

Ключевым для отечественной историографии стал конец двадцатых годов, когда курс на монополизацию исторической науки марксистским направлением вступил в стадию практического осуществления. 1928 год стал последним «выездным» для историков «старой школы», а в апреле 1929 г. на пленуме Коммунистической академии Покровский призвал «положить конец ... мирному сотрудничеству марксистов с учеными, далекими от марксизма или даже вредными марксизму», и «начать решительное наступление на всех фронтах научной работы, создавая свою собственную марксистскую науку» [цит. по: 13, с. 193].

Диспут о книге Д. М. Петрушевского⁴ «Очерки из экономической истории средневековой Европы» (1928 г.), критика научного творчества Е. В. Тарле, торжественное чествование в связи с юбилеем М. Н. Покровского, Всесоюзная конференция историков-марксистов стали прологом «академического дела» и «перетряхивания» научных кадров, «вождизма» в науке и догматизации ее теоретико-методологических основ. Летом 1929 г. была развернута кадровая «чистка» Академии наук, сопровождавшаяся массовыми увольнениями ее сотрудников, а осенью начались аресты ученых в рамках сфабрикованного ОГПУ «академического дела», по которому проходило 115 чел. [1; 11, с. 39].

³ См.: например, обвинения С. А. Пионтковским В. О. Ключевского в великорусском шовинизме [14, с. 160]. В свою очередь, Покровский, подводя итоги I Всесоюзной конференции историков-марксистов, говорил о «запахе тлена», идущем от остатков школы Ключевского.

⁴ В 1930-е гг. Петрушевский стал «изгоем от науки», но репрессирован не был.

Несмотря на относительно «мягкие» итоги репрессивной кампании,⁵ основная часть «старой» профессуры была психологически, морально и физически надломлена. Многим так и не удалось вернуться к активной научной и педагогической деятельности.

Волна арестов сопровождалась инсценированной травлей репрессируемых историков, в которой ведущую роль играла «красная профессура», составлявшая костяк Общества историков-марксистов. Именно ее силами в конце 1930 г. – начале 1931 г. в Москве и Ленинграде были организованы несколько собраний «исторической общественности», подвергших публичному остракизму опальных историков. В своих выступлениях участники заседаний ставили себе целью «разоблачение целого ряда буржуазно-исторических концепций, особенно концепций тех историков, которые оказались связанными с контрреволюционными и вредительскими организациями» [см. 3;9].

Погром среди «буржуазных историков», пополнивших тюремные камеры и лагеря или просто отлученных от любимого дела, с ликованием принимали историки-марксисты, призвавшие рассматривать каждого немарксиста «антимарксистом» и, в силу этого, «потенциальным вредителем» [21, с. 165]. Были среди нового пополнения историков-марксистов и те, кто каялся в недостаточном рвении в разоблачении представителей «старой школы». В частности, медиевист Н. Н. Розенталь по итогам знаменитого погромного собрания в Институте истории ленинградского отделения Комакадемии в январе 1931 г. сетовал, что недостаточно обличал академика Тарле, так как «еще не до конца изжил в себе старого интеллигента, я еще не коммунист *de facto*, но, думаю, скоро стану им» [цит. по: 6, с. 91].

Причем, если в Ленинграде изобличали, в основном, арестованных академиков Платонова и Тарле, то в Москве «разоблачению», наряду с Тарле, подверглись представители «русской школы» истории Запада (Н. И. Кареев,

⁵ Непосредственные руководители и организаторы «заговора» (С. Ф. Платонов, Ю. В. Готье, Е. В. Тарле, М. К. Любавский и др.) решением коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. были отправлены в ссылку.

В. П. Бузескул, Р. Ю. Виппер и Д. М. Петрушевский), против которых репрессивные органы никаких обвинений не выдвигали [см.: 24, с. 199-250]. Избежал ареста и С.Б. Веселовский, бывший в натянутых отношениях с С. Ф. Платоновым. Хотя и он лишился постоянной работы, а книги его не печатались в первой половине тридцатых годов.

Арест большинства представителей «старой исторической науки» привел к подавлению остатков научной свободы в учреждениях Академии наук и захвату основных позиций представителями историко-партийного направления. Исчез сам принцип существования «школ» в историческом сообществе в прежнем их понимании. Историкам оставалось только распределиться по проблемно-хронологическому принципу и сгруппироваться вокруг наиболее влиятельных фигур в исторической науке. Теперь, когда «внешний враг» на историческом фронте был повержен, наступила очередь «врага внутреннего», зараженного народнической идеологией и не до конца проникшегося марксизмом.

Сценарий второй: битва за «марксичность»

«Цитаты ... были верным защитным оружием» (А. А. Зимин)

М. Н. Покровский откровенно раскрыл смысл многочисленных дискуссий в среде историков-марксистов необходимостью нанесения ударов по «нейтральным» историкам, пытавшимся остаться в стороне от развернувшейся «битвы» за «марксичность» советской исторической науки [17, с. 18-19]. Среди «очевидных» признаков марксичности наибольшее значение приобретали специфическая терминология и соответствие цитатам классиков («власть слов», по определению А. И. Неусыхина). В частности, выступая с критикой некоторых положений книги Д.М. Петрушевского, ряд историков-марксистов отмечали их несоответствие высказываниям Маркса и Энгельса. Параллельно развернулся спор по поводу наиболее точного цитирования слов Энгельса между Е. А. Косминским и П. И. Кушнером. Важным критерием определения соответствия марксизму исторических

исследований стало использование понятий «класс» и «классовая борьба». К примеру, один из ближайших молодых сотрудников Покровского Г. С. Фридлянд (Ц. Фридлянд) для доказательства «немарксистичности» работы Петрушевского попытался подсчитать число использованных автором этих понятий.

Верность тех или иных суждений марксизму проверялась не только соотношением с цитатами классиков, но и сравнением со взглядами выявленных «врагов» марксизма. Именно такой подход в отношении Ю. М. Стеклова проявился в дискуссии 1928 г. о Н. Г. Чернышевском, тон которой задавал Покровский. В тезисах Отдела культуры и пропаганды ЦК ВКП(б), посвященных дискуссии 1929 г. о «Народной воле»⁶ народоволючество характеризовалось как революционно-демократическое течение, а все другие мнения причислялись к «правому уклону». Политика и идеология все больше брали верх над научностью.

В конце мая 1929 г. по поручению коммунистической фракции Общества историков-марксистов секретарь фракции П. О. Горин направил в Секретариат ЦК партии и лично Л. М. Кагановичу письмо (больше напоминавшее донос) в связи с кандидатурой украинского историка М. И. Яворского в члены Комакадемии. Историческая концепция Яворского расценивалась Гориным как попытка «приспособления к ленинской схеме национально-демократической революции схемы Винниченко». Если «зависимость» концепции историка от украинских националистов Горин был склонен квалифицировать как «односторонность» и «ошибку», то изображение революции 1905 г. на Украине Горин считает «прямой фальсификацией истории». Показательно, что в качестве доказательства своих обвинений он апеллировал к «азбуке ленинизма» по вопросу гегемонии пролетариата в революции 1905-1907 гг. А за этими оценками следовал вопрос о возможности пребывания Яворского «в рядах членов,

⁶ Автором тезисов был ответственный секретарь Общества историков-марксистов и журнала «Историк-марксист», ученик Покровского И. Л. Татаров (Каган).

какого бы то ни было уважающего себя марксистско-ленинского учреждения» [22. Оп. 85. Д. 368. Л. 1-7]. Уже находясь на Соловках, Яворский в заявлении в Центральную аттестационную комиссию ГУЛАГ НКВД СССР 30 июня 1936 г. писал, что не собирается себя «перековывать» и не желает «обоготворять гениального, любимого, родного вождя всех народов». Он предпочитал смерть жизни «хамелеона, раболепствующего перед современным Нероном и его преторианцами» [25].

На рубеже 1920-1930-х гг. в борьбу за руководство советской исторической наукой активно включился «главный атеист» страны Е. М. Ярославский. В июне 1931 г. он направил Л. М. Кагановичу письмо с предложениями о новом составе редакций ведущих исторических журналов. Его призыв «ликвидировать настроения групповщины, которые тормозят работу общества историков-марксистов», был направлен против соратников Покровского, особенно против П. О. Горина, Г. С. Фридлянда, допустившего «грубейшие оппортунистические ошибки» и не признавшего их, и И. Л. Татарова (Кагана),⁷ «ведущего явно групповую линию, позволяющего себе, мягко выражаясь, недопустимые приемы в работе». Именно этим объяснялось стремление Ярославского ввести в редакцию журнала «Историк-марксист» оппонента Покровского – С. А. Пионтковского и вернуть выведенного оттуда в конце 1930 г. «по никому неизвестным причинам» И. И. Минца. Ярославский выступил против попыток Горина опорочить данного историка как «оппортуниста». Признавая, что в дискуссии 1928 г. Минц «допустил по вопросам историографии неверную, а потому политически ошибочную, формулировку, позволявшую говорить о недооценке борьбы с антимарксистской идеологией», Ярославский подчеркивал, что историк признал ошибку письмом в редакцию. Партийные инстанции, разбиравшие эту ошибку, отметили, что в целом Минц вел «правильную политическую линию». Никаких оргвыводов не сделала и

⁷ Татаров был последовательным сторонником Покровского в его борьбе с Ярославским за лидерство в марксистской историографии.

Комиссия по чистке. И самый главный аргумент в поддержку будущего академика заключался в его неучастии в оппозиции и отсутствии «уклонов» [22. Оп. 120. Д. 20. Л. 78-81].

Но в целом Покровскому и его сторонникам удалось сохранить лидирующие позиции. Ликвидация историко-научного многообразия совпала с набиравшей силу кампанией поиска «врагов народа». Хотя историческая наука все больше ставилась на службу не только партии, но и НКВД, это не спасло ее от очередного, самого масштабного, погрома.

Сценарий третий: смена «исторических вех»

*«История в руках большевиков должна быть конкретной наукой, объективной правдой и тем самым великим оружием в борьбе за социализм»
(Правда. 1936. 27 января)*

Тридцатые годы стали для историков настоящей «сменой вех», связанной с крушением «школы Покровского». Прошло всего два года после смерти академика, названного в сообщении ЦК ВКП(б) «всемирно известным ученым-коммунистом» и «виднейшим организатором и руководителем ... теоретического фронта», как в совместном Постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школе» от 16 мая 1934 г. был декларирован отказ от подмены истории «отвлеченными социологическими схемами» [см. 10]. Это постановление открыло дорогу критике «школы Покровского», хотя ни в постановлении, ни в выводах специальной партийно-правительственной комиссии по подготовке конспектов учебников («Замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова») фамилия Покровского не звучала.

27 января 1936 г. газеты напечатали постановление советского правительства и ЦК партии о создании специальной комиссии под руководством А. А. Жданова «для просмотра, улучшения, а в необходимых случаях и для переделки уже написанных учебников по истории». Были опубликованы наконец и «Замечания». Теперь «школа Покровского» и сам ее

лидер осуждались прямо и безоговорочно. Историков призывали к борьбе «с антиленинскими традициями школы Покровского» и ликвидации присущих этой школе «полуменьшевистских полуцентристских идей и троцкистской контрабанды» [19].

Перед нами письмо бывшего историка А. И. Смирнова А. А. Жданову. В своем обращении 12 февраля 1936 г. знаток 5 новых и 3 древних иностранных языков, вынужденного последние 10 лет трудиться инженером-переводчиком, приветствовал указанное выше Постановление от 26 января 1936 г., содержащее «развернутую критику исторической школы профессора М. Н. Покровского». Автор письма с горечью писал, что благодаря тезису «История есть политика, опрокинутая в прошлое» и вследствие организационных установок Покровского произошла ликвидация многих исторических дисциплин. Корреспондент сетовал, что именно «влиянию школы М.Н. Покровского мы обязаны тем, что до сих пор нет ни учебника, ни солидного марксистского курса истории СССР, который разработкой исторических фактов мог бы зачеркнуть курсы С. Соловьева и Ключевского». Автор обвинил Покровского в распылении исторических кадров и превращении истории в «публицистику или в экономическую конъюнктуру» [22. Оп. 120. Д. 360. Л. 175-176 об]. И подобные настроения не были чем-то исключительным.

Но специальных процессов для разгрома «школы Покровского» организовано не было. Ученых арестовывали по мере накопления компрометирующих показаний, вслед за исключением их из партии, выявлением старых оппозиционных контактов или в связи с другими политическими следствиями [2, с. 36]. Тем более что репрессиям подверглись как ярые сторонники Покровского,⁸ так и его противники.

К «вредительской школе» нередко причисляли тех, кто имел весьма отдаленное отношение к Покровскому. В частности, представителями

⁸ Д.Я. Кин, П.О. Горин, А.Г. Пригожин, Г.С. Фридлянд, Н.Н. Ванаг, И.Л. Татаров, Т.М. Дубыня и др.

«школы» были объявлены критики Покровского при его жизни молодые историки Э. Я. Газганов, А. И. Ломакин и П. С. Дроздов, и даже вечно фрондировавший против «красного академика» С. А. Пионтковский. Спустя год после ареста к «школе» отнесли соратников еще одного оппонента Покровского – В. И. Невского, историков рабочего движения П. И. Анатольева, В. З. Зельцера и П. П. Парадизова. В частности, для Газганова очередной арест и расстрельный приговор 1937 г. были связаны с делом о «заговоре военных», среди «участников» которого был покончивший с собой начальник Главного политического управления Красной Армии, брат жены Газганова Я. Б. Гамарник. Ломакин был исключен из партии в ноябре 1936 г. за «неразоблачение врага народа» - своей жены Люции Джапаридзе. А 10 лет лагерей, полученные им в декабре 1937 г. были связаны с обвинениями в причастности к «троцкистской террористической организации». Дроздову, из-за нападок на Покровского до 1934 г. отлученному от исторических журналов, обвинения в троцкизме стоили жизни. Пионтковский, который среди историков считался наиболее ортодоксальным марксистом, на следствии не отрицал, что говорил о негативном влиянии Сталина на историческую науку, но категорически отмел обвинения в контрреволюционной террористической деятельности. Впрочем, это не спасло его от расстрела, по иронии судьбы в один день со своими прежними оппонентами Ванагом и Фридляндом. Товарищи по историографическому семинару Покровского, Анатолев, Зельцер и Парадизов были репрессированы в связи с делом «контрреволюционной группы В. И. Невского». При этом Зельцер мужественно защищал исключенных из партии друзей, а в лагере открыто говорил об отсутствии внутрипартийной демократии и незаконных репрессиях [2, с. 39-46].

Особую роль в ниспровержении авторитета Покровского и разгроме его «школы» сыграли Е. М. Ярославский, внесший весомый вклад в становление сталинской концепции истории партии, и руководитель партийных чисток Л. М. Каганович. Впрочем, они были лишь добросовестными исполнителями

воли вождя. Разгром «школы Покровского» был связан с общей сменой политического и идеологического курса от концепции мировой революции к идее «советской империи». Политическая активность и подчинение научной деятельности политической линии тогдашнего партийно-государственного руководства во главе со Сталиным, сыграли роковую роль в судьбе историков-марксистов. Оказавшись среди творцов такой политики, они стали затем ее жертвами.

К преодолению ошибок его школы были привлечены ранее осуждавшиеся как «великорусские националисты» историки дореволюционной школы С. В. Бахрушин, Ю. В. Готье, Б. Д. Греков, В. И. Пичета, Е. В. Тарле, А. И. Яковлев и др. Основание «национальной» школы советских историков связано с именем ученика Ключевского академика Б. Д. Грекова, возглавлявшего академический институт истории в 1937-1953 гг. [5]. Когда в марте 1937 г. на заседании общего собрания ЛОИИ обсуждалось «контрреволюционное выступление» профессора ЛГУ В. Н. Кашина на семинаре со студентами, обычно осторожный Греков не побоялся открыто урезонивать наиболее кровожадных ораторов, хотя сам мог быть обвинен в покровительстве «врага народа» [23, с.137-141].

В вышедшем в 1939 г. сборнике статей «Против исторической концепции М. Н. Покровского» ученики «школы Покровского» («оголтелая банда врагов ленинизма») ⁹ были зачислены в ряды «троцкистско-бухаринских наймитов фашизма, вредителей, шпионов и террористов» [20, с. 3,5]. Однако далеко не все авторы сборника, выполняя властный заказ, стремились «быть святее римского папы». К примеру, Нечкина отметила заслугу учителя (правда, не упоминая о своем ученичестве) в постановке вопроса о влиянии пугачевского восстания на правительственную политику, а Панкратова вообще не отреклась от учителя, признавая его научные заслуги. Она заняла умеренную позицию, усматривая незлонамеренную вину

⁹ Среди авторов-обличителей, впрочем, были и ученики Покровского - А. М. Панкратова, М. В. Нечкина и А. Л. Сидоров.

Покровского в незавершенности процесса самокритики собственных ошибок [20, с. 35-38,57-59,244-275]. Чего не скажешь о некоторых бывших научных оппонентах «красного академика», чью критику можно рассматривать как реванш за прошлые преследования. Хотя, конечно, далеко не все спешили влиться в ряды критиков. В частности, не стал участвовать в кампании разоблачения С. Б. Веселовский.

После разгрома «школы Покровского» его бывшие противники (тем, кому удалось выжить) оказались снова востребованными. Хотя, конечно, далеко не все. Выпускница историко-филологического факультета Петроградского университета и историко-партийного отделения ИКП К. Поль подверглась опале по причине своего родства (двоюродная сестра) с Г. Я. Сокольниковым. В 1936 г. она была исключена из партии, год была без партбилета, 8 месяцев - без работы. В своем письме Сталину от 29 января 1939 г. она жаловалась, что работает учительницей истории в школе и не может «получить производственную и партийную работу по специальности». В частности, в Институте права АН ей отказали в участии в подготовке очерков истории внешней политики СССР [22. Оп. 121. Д. 19. Л. 34-44].

После репрессий в среде историков режим диктовал новые критерии «научности». Итогом «смены вех» стало смещение исследовательской компоненты в работе историка на второй план. Она уступала свои позиции задаче формирования «установок» относительно оценок тех или иных исторических событий и персонажей (конечно, на основе уже сформулированных партийных установок). Выживание в условиях постоянно меняющейся «генеральной линии» отсекало все то, что не укладывалось в «прокрустово ложе» идеологии. Тут не всегда оставалось место для профессионализма и корпоративной этики историка.

Литература

- 1 Академическое дело 1929-1931 гг. — Вып. 1. — СПб., 1993.
2. Артизов А.Н. Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. — 1994. — № 7.
3. Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.) // Историк-марксист. — 1931. — Т. 21.

4. Быковский С.Н. Какие цели преследуются некоторыми археологическими исследованиями // Сообщения ГАИМК: Проблемы истории материальной культуры. — 1931. — № 4/5.
5. Вдовин А. И. Русский народ и проблемы формирования советской исторической общности (1930-е гг.) // Слово. Православный образовательный портал URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/41178.php> Доступ — 25.03.2012 г.
6. Гордон А.В. Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918-1941. — Саратов : Научная книга, 2005.
7. Дмитриев А. Время историков // Неприкосновенный запас. 2007. № 5 (55).
8. Дроздов П. Историческая школа Покровского // Правда. — 1937. — 28 марта.
9. Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их школы. — М., 1931.
10. К изучению истории. — М., 1946.
11. Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и Петербургская школа историков. — СПб., 1995.
12. Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992 // VIVOS-VOCO! URL: http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/BOOKS/DANGER/PART_3.HTM Доступ — 11.02.2012 г.
13. Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. — Вып. 1. — М., 1991.
14. Пионтковский С.А. Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия // Историк-марксист. — 1930. — Т. 18/19.
15. Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Избранные произведения в 4-х кн. — Кн. 2. — М., 1965.
16. Покровский М.Н. Общественные науки в СССР за десять лет. Доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г. // Вестник Коммунистической академии. Кн. XXVI (2), М., 1928.
17. Покровский М.Н. Очередные задачи историков-марксистов // Историк-марксист. — 1930. — Т. 16.
18. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1932.
19. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) 26 января 1936 г. «Об учебниках по истории» // Правда. — 1936. — 27 янв.
20. Против исторической концепции М.Н. Покровского. — М.; Л., 1939.
21. Резолюции, принятые на общем собрании Общества историков-марксистов от 19/III-30 г. // Историк-марксист. — 1930. — Т. 15.
22. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. ЦК КПСС.
23. «Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел. Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина. — СПб.: Нестор-История, 2006.
24. Чудинов А.В. Историк воюющий: Н.М. Лукин // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. — Саратов : Издательский центр «Наука», 2006.
25. Яворский Матвей: академик, узник коммунистических Соловков // Solovki-энциклопедия URL: http://www.solovki.ca/people_18/javorsky.php Доступ — 2.04.2012 г.